

Виктор Пузанов*

КНЯЖЕСКИЕ “КЛОБУКИ” И “ВЕНЦЫ”: К СПОРАМ О ДРЕВНЕРУСКИХ ИНСИГНИЯХ

В постсоветской историографии произошли кардинальные изменения в системе исследовательских приоритетов. Если раньше во главу угла ставились глобальные “процессы” (социальные, экономические и т.п.), то теперь все больше внимания уделяется “событиям” и “людям”, которые прежде в исторических трудах, нередко, лишь “иллюстрировали” изучаемые “процессы”. При этом наряду с вопросами повседневности, микроистории и т.п. “новационной” проблематикой, на современном этапе активизировался интерес к “старой доброй” тематике, находившейся, в большей или меньшей степени, в тени генеральных штудий советского времени. Особый расцвет переживают генеалогия и историческая биографистика, в развитие которых неопределимый вклад внесли труды Л.В. Войтовича, составляющие золотой фонд жанра. Настоящая статья, отдавая дань уважения замечательному украинскому историку в годовщину его юбилея, продолжает “княжескую тематику” и посвящена одному из вопросов, связанных с организацией, легитимацией и репрезентацией власти – вопросу об инсигниях.

Не вызывает сомнения, что “среди инсигний на первое место выдвигается головной убор”¹. Поэтому вопрос о “княжеских венцах” домонгольской эпохи давно привлекает особое внимание исследователей. Серьезная его научная разработка ведется с рубежа XIX–XX вв., что было связано с прогрессом в изучении древнерусской миниатюры. Так, В. И. Сизов, рассматривая миниатюры Радзивилловской летописи, обратил внимание на то, что на старейших из них (“рисунках старого контура”) князя изображаются в головных уборах, которые “в большинстве случаев оказываются русскими шапками “клобуками”, обыкновенно с меховой опушкой”, реже – княжескими остроконечными шапками, “подобные тем, какие изображены на так называемых “рязанских бармах”². Вопросы о венцах древнерусских князей он специально не касался, отметив только, что византийские императоры, в отличие от Рюриковичей, изображены с “высокими зубчатыми венцами”, а иногда в шапках “напоминающих митру”³; “в высоком зубчатом венце, изображена

* Пузанов Виктор Володимирович, доктор історичних наук, професор Іжевського державного університету (Росія).

¹ Bartnicki M. Atrybuty władzy książąt ruskich XIII w. jako elementy prestiżu / M. Bartnicki // СОЦІУМ. Альманах соціальної історії. – Вип. 8. – Київ, 2008. – С. 22. Но не потому, что “будучи надетым, он виден всем”, как считает В.В. Долгов (Долгов В. В. Древняя Русь: Мозаика эпохи. Очерки социальной антропологии общественных отношений XI–XVI вв. – Ижевск, 2004. – С. 24), а в силу особой сакральности головы, которую он покрывает.

² Сизов В. И. Миниатюры Кенигсбергской летописи (Археологический этюд) / В. И. Сизов // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – Т.10. – Санкт-Петербург, 1905. – Кн. 1. – С. 21.

³ Там же. – С. 21.

Анна, родственница греческих императоров, – невеста св. Владимира”⁴; на л. 116 “на главе Изяслава старым коричневым контуром был сделан развалистой формы зубчатый венеч...”⁵. Собственно, В. И. Сизов, в силу поставленных перед собою задач, лишь констатировал факты, без соответствующего анализа.

Иной характер имеет труд Н. П. Кондакова “Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI века”⁶. На основе обширного восточнославянского, византийского и западноевропейского материала, в широком историко-культурном ракурсе автор сделал ряд интереснейших наблюдений и выводов. Разбор княжеских облачений, представленных в миниатюрах, он начал с вопроса о венцах, уделив особое внимание развитию форм императорского венца, являвшегося “исходным типом венца... в Европейской истории”⁷. Исследователь отметил, что, несмотря на перипетии тысячелетнего развития империи, “при византийском дворе была только одна корона” – стемма, “все же остальное, кроме кесарьского венца и тиары деспота, было разными видами шляп и шапок”⁸. Проведя тщательный сравнительно-исторический анализ, сопоставив данные источников, Н. П. Кондаков пришел к выводу, что “некоторые виды шапок или клобуков получили значение корон для князей, дукъ и тому подобных санов (в общем значении архонта) уже в X столетии. Таким образом для русского великого князя церемониальным облачением уже в X столетии могли быть мантия и клобук”, которому “соответствовало византийское понятие скадия”⁹. В то же время, касаясь “сложного вопроса о нашей княжеской шапке (съ меховым или золотым околышем)”, исследователь отказался “считать этот вид головного убора чисто русским”, поскольку подобные “шапочки” “были одно время общи всему средневековому западу...”¹⁰.

Следующий этапный шаг в изучении проблемы был сделан в 1944 г., с выходом в свет, ставшего классическим, сочинения А. В. Арциховского, посвященного древнерусским миниатюрам¹¹. Анализу подверглись миниатюры Радзивилловской (Кенигсбергской) и Никоновской летописей, лицевых житий (Сказание о Борисе и Глебе, Житие Сергия Радонежского, Житие Антония Сийского), частично – Лицевого свода.

Анализируя миниатюры Радзивилловской летописи, А. А. Арциховский пришел к выводу, что “понятие о социальной иерархии, свойственное вообще эпохе феодализма”, ее “иллюстратор усвоил себе твердо, особенно при изображении головных уборов. Князья от Рюрика (есть и раньше) до Всеволода Юрьевича за редким, специально обусловленными текстом исключениями

⁴ Там же. – С. 22.

⁵ Там же. – С. 22–23.

⁶ Кондаков Н. П. Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. – Санкт-Петербург, 1906.

⁷ Там же. – С. 60.

⁸ Там же. – С. 61, 84.

⁹ Там же. – С. 89.

¹⁰ Там же. – С. 63–64.

¹¹ Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. – Москва, 1944. – 216 с. Ссылки в статье даются на современное издание: Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. – Томск – Москва, 2004.

(князья изгнанные, низложенные), имеют одни и те же шапки, мягкие, сферической формы, с меховой опушкой”. “Символическое значение княжеской шапки иногда видно особенно ясно. Когда суздальские послы приглашают в Чернигове Ярополка Ростиславича в князья, молодой Ярополк... стоит еще без шапки рядом с креслом, на котором сидит Святослав Всеволодович в княжеской шапке. Но у переднего посла в руке тоже княжеская шапка. Эта шапка, приготовленная для венчания, имеет значение настоящей регалии (217 л.)”¹².

Исследователь подчеркивал, что подобные шапки изображены и на других древнерусских миниатюрах. Особый интерес представляет анализ лицевого сказания о Борисе и Глебе первой половины XIV в., миниатюры которого, как и Радзивилловской летописи являются копией более древних миниатюр, но на полтора столетия старше летописных. Отмеченные княжеские шапки и на миниатюрах сказания носят только князья.

На иллюстративном материале Никоновского и отдельных томов Лицевого свода А. А. Арциховский прослеживает, как эволюционировала символика соответственно ходу эволюции власти московского монарха, как на смену великокняжеской сферической шапке с опушкой пришла царская корона и т. д.

Таким образом, самостоятельные исследования А. А. Арциховского подтвердили результаты изысканий Н. П. Кондакова, согласно которым означенная “княжеская шапка” в Древней Руси выполняла роль венца.

Выводы А. В. Арциховского нашли подтверждение в последующих изысканиях археологов и этнографов, изучавших древнерусскую одежду. По словам В. В. Седова, “головной убор славян – шапка языческого времени – известен только по скульптурным изображениям на идолах. Так, четырехликая голова Збручского идола увенчана сферической шапкой с околышком. Подобная шапка изображена и на голове новгородского каменного идола, найденного в Пошехонье. Судя по древнерусским изображениям в миниатюрах, на иконах и фресках, подобные мягкие сферические шапки с меховым околышком были важнейшей княжеской регалией. По-видимому, и в языческую пору подобные головные уборы были атрибутами языческих божеств и племенных князей”¹³. По мнению М. Г. Рабиновича, в IX–XIII вв. такие шапки – “важнейший признак феодала-сюзерена”. Он же указал на (отмечавшееся ранее и другими исследователями) типологическое сходство древнерусских княжеских шапок с главной регалией великих князей и царей Московской Руси: “В XIV в., получив в подарок золотую восьмиклинную тюрбетейку бухарской работы, московский князь велел приделать к ней соболью опушку для сходства с традиционной княжеской шапкой, и только тогда она стада великокняжеским, а потом и царским венцом. Это и есть знаменитая “шапка Мономаха”¹⁴.

Иной ракурс рассмотрения проблемы был задан в работах П. П. Толочко и М. Б. Свердлова. Проанализировав диадемы из киевского (1889 г.) и сахновского

¹² Там же. – С. 58–60.

¹³ Седов В. В. Одежда восточных славян VI–IX вв. / В. В. Седов // Древняя одежда народов Восточной Европы: Материалы к историко-этнографическому атласу. – Москва, 1986. – С. 258.

¹⁴ Рабинович М. Г. Древнерусская одежда IX–XIII вв. / М. Г. Рабинович // Там же. – С. 46–47.

(1900 г.) кладов, а также отдельные фрагменты подобных комплексов, П. П. Толочко подверг критике едва ли не общую точку зрения¹⁵ о принадлежности их к женскому типу украшений. По мнению исследователя, диадемы являлись атрибутами княжеской власти и носились на меховой опушке сферической шапки¹⁶.

М. Б. Свердлов, проанализировав изображения Владимира Святославича на монетах, пришел к выводу, что “на златниках и сребрениках” Владимир изображен “в стеме-венце, со скипетром и в торжественном одеянии”. Несмотря на то, что изображения стеммы повторяет византийские монеты¹⁷, исследователь пришел к выводу, что корона и трон являются реальными древнерусскими атрибутами¹⁸. К сходным выводам пришли М. П. Сотникова и И. Г. Спасский¹⁹

Новый этап исследований по проблеме начинается с первой половины 1990-х гг. К тому времени, несмотря на имевшиеся наработки, “вопрос о поставлении князей на Руси в X–XIII вв.” и, следовательно, о княжеских инсигниях, по справедливому замечанию А. Л. Хорошкевич, все еще оставался “малоразработанным”²⁰. По мнению самой исследовательницы, “среди княжеских регалий древнейшего периода русской государственности можно назвать меч и посох, причем последний был символом верховной власти и при республиканском строе. Отличительным признаком князя была шапка, схожая с той, что известна под названием “шапки Мономаха”²¹.

Особый вектор изысканиям задал украинский исследователь А. П. Толочко. Отметив, что “исследование обряда посажения на стол как знаковой системы... ввиду общей неразработанности темы не представляется в данный момент возможным”, он попытался “в самых общих чертах, суммарно реконструировать внешнюю сторону обряда”²². Коснувшись отдельно проблемы “инсигний власти, в частности, венцов”, А.П. Толочко пришел к выводу, что они отсутствовали²³. “Сам выбор термина, описывающего центральную часть обряда, принятого в княжеской среде на Руси – “по-сажение” – свидетельствует,

¹⁵ См.: Долгов В. В. Указ. соч. – С. 28–29.

¹⁶ Толочко П. П. Про принадлежність і функціональне призначення діадем і барм в Древній Русі / П. П. Толочко // Археологія. – Т.15. – 1963. – С. 145–164; *Його ж.* Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XIII вв. – Киев, 1980. – С. 94 и др.

¹⁷ См.: Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России: Сводный каталог русских монет X–XI веков. – Ленинград, 1983. – С. 78.

¹⁸ Свердлов М. Б. Изображение княжеских регалий на монетах Владимира Святославича / М. Б. Свердлов // Вспомогательные исторические дисциплины. – Т.4. – Ленинград, 1972. – С. 151–159; *Его же.* Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI–первой трети XIII в. – Санкт-Петербург, 2003. – С. 294–295.

¹⁹ Сотникова М. П., Спасский И. Г. Указ. соч. – С. 78.

²⁰ Хорошкевич А. Л. Поставление князей и символы государственности X – начала XIII в. / А. Л. Хорошкевич // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы: Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 13–15 апреля 1992 г. Тез. докл / Отв. ред. А.П. Новосельцев. – Москва, 1992. – С. 70.

²¹ Там же. – С. 71.

²² Толочко А. П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. – Киев, 1992. – С. 146.

²³ Там же. – С. 147–148. – “Хорошее знакомство с венцами и одновременно полное отсутствие упоминания в контексте княжеских ритуалов, следовательно, должно говорить и об отсутствии идей, и обряда коронования на Руси в X–XIII вв.” (Там же. – С. 148).

что сакральный смысл вкладывался в момент обретения князем “стола”, но не возложения на него венца или диадемы”²⁴.

О. А. Плотникова согласилась с реконструкцией “посаждения” князя на стол, предложенной А. П. Толочко, с одной стороны, и перечнем княжеских регалий, приведенным А. Л. Хорошкевич с другой. По ее мнению, “эти регалии, связанные с церемониальным княжеским бытом, могут быть дополнены еще одной чертой, подчеркивающей особое положение князя, – “золотым церемониалом”. ...Вещи и детали одежды и княжеского снаряжения были сделаны из золота”²⁵.

Проблему несоответствия между визуальной информацией древнерусских монет, на которых Владимир Святославич изображен в стемме, и отсутствием упоминаний о венчании на княжение в известной степени решают исследования польского историка А. В. Поппэ. Ученый ведет речь о византийском влиянии на обряд интронизации русских князей. Сам обряд, по его мнению, был привнесен на Русь “багрянородной супругой” Владимира – Анной, стремившейся поднять соответственно статус своего мужа, увенчав “его главу стеммой”. Однако, в отличие от обряда посажения на стол, обряд венчания на Руси не прижился. Стремясь византизировать наследование киевского стола и обеспечить интересы своих сыновей, Анна добилась от Владимира торжественного поставления “византийским обычаем” Бориса и Глеба в соправители, “причем самой интронизации сопутствовало венчание на княжение”. Это вызвало сопротивление других сыновей Владимира и закончилось трагической гибелью Бориса и Глеба. Противодействуя попыткам византизации престолонаследия и выступая за сохранение традиционного наследования по старшинству, Рюриковичи “искоренили” и сам обряд венчания. Княжеский венец был обречен на небытие²⁶.

Специально проблему княжеских венцов изучал В. В. Долгов. Он выдвинул ряд интересных контраргументов против точки зрения об их наличии в Древней Руси (прежде всего – полемизируя с П. П. Толочко), подкрепив собственные наблюдения вышеприведенными аргументами А. П. Толочко. Попытался В. В. Долгов решить и вопрос о “княжеской шапке”: “отличительной чертой” княжеского “костюма могла быть известная круглая шапка с меховой опушкой, которую мы видим не только на позднейших летописных миниатюрах, но и на голове “Збручского идола”. Ей, однако, придавалось значения не более чем просто элемента богатой одежды, “риз многоценных”, наряду с дорогими поясами, корзнами, гривнами... Княжеская шапка функционально напоминала позднейшую боярскую, или полковничью папаху советских времен, а не корону”²⁷.

²⁴ Там же. – С. 148.

²⁵ Плотникова О. А. Обрядность и титулатура княжеской власти в сознании древнерусского общества / О. А. Плотникова // Власть. – № 11. – 2008. – С. 135–136.

²⁶ Poppe A. Der Kampf um die Kiever Thronfolge nach dem 15. Juni 1015 / A. Poppe // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. – Bd. 50. – 1995. – S. 275–296; *Его же*. Земная гибель и небесное торжество Бориса и Глеба / Поппэ А. // Труды Отдела древнерусской литературы. – Т. 54. – Санкт-Петербург, 2003. – С. 304–336 и др.

²⁷ Долгов В. В. Указ. соч. – С. 33–34; *Его же*. Быт и нравы Древней Руси: Миры повседневно-

Такой подход не только упрощает, но и осовременивает историческую ситуацию: между “княжеской шапкой” и “папачой полковника” общего разве то, что они являются головным убором и маркируют статус их владельца. Но с таким же успехом можно проводить параллели между офицерской фуражкой и “шапкой Мономаха”. Порочность подобного подхода очевидна: и эпоха, и общественные условия, и культурная среда в которых сформировались “княжеская шапка” и “папача полковника” были разные, и семантика этих предметов, их восприятие современниками – разное²⁸.

В 2005 г. Р. В. Новожеев защитил кандидатскую диссертацию по рассматриваемой проблеме²⁹. Эволюция головного убора, как инсигнии, реконструирована им в следующем виде. Ритуальным головным убором славянских князей, перенятым Рюриковичами, была шапка. Владимир Святославич “первым из русских князей принимает византийские атрибуты власти, которые... исчезли” в междоусобной борьбе 1015–1019 г. В XI – первой половине XIII в. “регалии и наряд русских князей” практически не изменились. Наряд делился на повседневный (шапка с меховой опушкой, плащ-корзно и меч), и церемониальный (парадный плащ-“орла”, венец-диадема, ожерелье и др.). В качестве короны выступал венец (диадема). Исследователь поддержал атрибуцию П. П. Толочко диадем из сахновского и киевского кладов, но разошелся в деталях реконструкции. По его мнению, венец носился не на меховой опушке, как предполагал П.П. Толочко, а “располагался над мехом, это было удобней и не позволяло ему съезжать”³⁰. К сожалению, ряд знаковых публикаций по проблеме оказались неизвестными Р. В. Новожееву.

Украинский исследователь В. М. Рычка попытался реконструировать обряд интронизации древнерусских князей, который, по его мнению, являлся “відлунням візантійської імперської традиції”. Истоки древнерусских княжеских инсигний уходят корнями в эпоху Владимира: “родинне споріднення хрестителя Русі з імператорським двором було обов’язково пов’язано із даруванням йому високого візантійського придворного титулу та відповідних інсигній, зокрема, корони цесаря, якою він коронувався” и соответствующего трона (стола)³¹.

ности XI–XIII вв. – Москва, 2007. – С. 181.

²⁸ Не говоря уже о том, что “ризы многоценные” имели свою семантику и могли выступать в качестве инсигний.

²⁹ Новожеев Р.В. Формирование и развитие атрибутов власти Древней Руси (вторая половина IX – середина XIII вв.): сравнительно-исторический аспект: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Москва, 2005. См. также: *Его же*. Атрибуты власти Древней Руси. Формирование и развитие атрибутов власти Древней Руси (вторая половина IX – середина XIII вв.): сравнительно-исторический аспект. – Брянск, 2006. 128 с.

³⁰ Новожеев Р.В. Формирование и развитие атрибутов власти Древней Руси. – С. 18–19; *Его же*. Атрибуты власти Древней Руси. [Электронный ресурс] URL: <http://iparch.narod.ru/images/News/n2.htm>

³¹ Рычка В.М. “Владимирь на стол□” (Обряд інтронізації в Київській Русі) / В. М. Рычка // *Ruthenica*. – Т.6. – Київ, 2007. – С. 118–120; *Його ж*. Церемоніали та обряди княжого двору середньовічного Києва / В. М. Рычка // *Соціум*. Альманах соціальної історії. – Вип. 8. – С. 9–20; *Його ж*. “Вся королівська рать” (Влада Київської Русі). – Київ, 2009. – С. 71–74; *Його ж*. Знаки влади: організація та форми репрезентації верховної влади у Київській

Не все исследователи, однако, согласны с распространенным мнением о византийской природе древнерусского обряда интронизации. Так, К. Гвозденко, сопоставив элементы “византийского церковного коронования и русской церемонии интронизации” пришла к выводу об отсутствии “между ними какого-либо сходства”. По ее мнению, “нет оснований говорить о существовании на Руси церковной церемонии интронизации до середины XII века”. Наибольшую близость русская интронизация обнаруживает “с церемонией возведения на престол чешских Пржемысловцев”³².

Напротив, Ф. Андрощук ведет речь о близости древнерусского обряда возведения на стол со скандинавской традицией, указывая на важную роль в интронизации курганов³³.

Традиции, заложенные Н. П. Кондаковым, отказавшимся рассматривать полусферические “княжеские колпаки” с меховой опушкой как чисто “русскую” инсигнию³⁴, развивает современный польский исследователь М. Бартицкий. Он приводит ряд дополнительных сведений о бытовании подобных колпаков у польских Пястов. Исследователь также отмечает, что наряду с княжескими колпаками в иконографии XIII столетия представлена так называемая “корона открытая”³⁵.

Таким образом, в историографии выделяются три основных подхода³⁶ (либо комбинация их вариантов) к решению проблемы древнерусского княжеского головного убора-инсигнии: одни исследователи видят в качестве такового меховую полусферическую шапку с меховой опушкой (клобук), другие ведут речь о специальном княжеском венце (стемме или диадеме), третьи считают, что княжеские венцы в домонгольской Руси отсутствовали. При этом исследователи, касаясь проблемы головного убора-инсигнии, оперируют, в основном, иллюстративным и археологическим материалом, поскольку не находят соответствующей информации в письменных источниках. Думается, потенциал письменных источников для решения этого вопроса еще не исчерпан. И хотя “преднамеренных” известий на интересующий нас предмет обнаружить не удалось, однако “сопутствующая” и косвенная информация имеется. Но прежде, чем приступить к ее анализу, позволю еще один небольшой

Руси / В. М. Ричка // УИЖ. 2009. – № 1. – С. 69–73 та ін.

³² Гвозденко К. Княжеская интронизация в Древней Руси: особенности обряда и проблема византийского влияния / К. Гвозденко // Русь на перехресті світів (Міжнародні впливи на формування Давньоруської держави). IX–X ст.: Матеріали міжнар. польового археологічного семінару (Чернігів–Шестовиця, 20–23 липня 2006 р.) / Голов. ред. П. П. Толочко. – Чернігів, 2006. – С. 51–52.

³³ Андрощук Ф. К истории обряда интронизации древнерусских князей (“сидение на курганах”) / Ф. Андрощук // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст.: Матеріали Міжнар. польового археологічного семінару (Чернігів–Шестовиця, 17–20 липня 2003 р.) / Гол. ред. П.П. Толочко; відп. ред. В.П. Коваленко. – Чернігів, 2003. – С. 5–10.

³⁴ См. выше.

³⁵ Bartnicki M. Op. cit. – С. 22–23.

³⁶ Вопросы коронации королевской короной Даниила Галицкого я не касался, поскольку это отдельная тема.

историографический штрих, послуживший отправной точкой для представленных ниже наблюдений.

В свое время замечательный исследователь восточнославянской старины, А. В. Арциховский, отмечая особое символическое значение княжеских шапок для иллюстратора Радзивиловской летописи, писал: “Князю (за двумя-тремя исключениями) иллюстратор не позволяет даже в бою надеть шлем... Еще показательнее, что, вопреки всем требованиям церкви, вопреки всяким так называемым посланиям апостола Павла, в шапках изображены князья даже на молитве”, в церкви. “Требования церкви для иллюстратора слабее, чем требования символики феодальной иерархии”³⁷. Рассматривая эволюцию изображений княжеских инсигний в Никоновской летописи, исследователь констатировал: “В кенигсбергских миниатюрах князья на молитве еще не снимали шапок: церковный этикет оказался там слабее придворного. В никоновских миниатюрах порядок иной: князья перед иконами, перед крестами, в церквах, под поповским благословением и т.д. стоят уже без шапок. Но княжеская шапка изображается при этом рядом на особой подушке в руках придворного, чем по-новому подчеркивается княжеский ранг”³⁸.

Не берусь судить о том, как в реальности обстояли дела в эпоху написания никоновских миниатюр, но, кажется, в трактовке радзивиловских живописных сюжетов А. В. Арциховский ошибался. Имеется достаточно надежное известие, позволяющее утверждать, что изображение князей в головных уборах в храмах и т.п. являлось не следствием особенностей отражения художником “символики феодальной иерархии”, а реальным положением дел. Древнерусские князья действительно присутствовали на церковной службе в означенных головных уборах. Привлекает внимание в этой связи известие “Сказания о чудесах святых стратотерпцев Христовых Романа и Давида” о перенесении Ярославичами мощей Бориса и Глеба во вновь построенную церковь. “И целоваша святааго Бориса главу, а святааго Глеба руку. Възьмъ же, Георгии митрополить благославяше князе Изяслава и Всеволода. И пакуы Святославъ, имъ руку митрополичю и дръжащю святааго руку, прилагааше къ вреду, имъ же боляше на шии, и къ очима, и к темени. И по семь положи руку въ гробе, начаша же пети Святую Литургию. Святославъ же рече къ Бърнови: ”Нечто мя на голове бодеть”. *И съня Бърнъ клобукъ съ князя* [выделено мною. В.П.], и виде нъгть святааго, и съня съ главы и въдасти и Святославу. Он же прослави Бога о благодарении святою. И по Литургии вься братия и обедаша вси накупъ”³⁹.

Из цитируемого текста недвусмысленно следует, что князь Святослав стоял в шапке во время литургии и почувствовал, что в голову ему “нечто... бодеть”. Берн снял с него шапку, и увидел на голове князя ноготь св. Глеба. По окончании

³⁷ Арциховский А.В. Указ. соч. – С. 60

³⁸ Там же. – С. 168–169

³⁹ Сказание о чудесах святых стратотерпцев Христовых Романа и Давида. Древнерусский текст // Древнерусские княжеские жития / Сост., вступит. ст., подгот. текстов, коммент., перев. В. В. Кускова. – Москва, 2001. – С. 74; Съказание чудесь святою стратотърпцю Христову Романа и Давида // Святые князья-мученики Борис и Глеб / Исслед. и подг. текстов Н. И. Милотенко. – Санкт-Петербург, 2006. – С. 326.

литургии князья пошли обедать⁴⁰. В данном случае неважно, действительно ли описываемый эпизод имел место⁴¹: если даже он и вымышлен, ценность содержащейся в нем информации не снижается, поскольку автор “Сказания”, в таком случае, создавал идеальную модель, основанную на современных ему реалиях (как долженствовало быть в подобном случае). Книжник рисовал типовую ситуацию, понятную читателю, поэтому отдельные детали, как само собою разумеющиеся, опускал. Показательно, что логические и сюжетные нестыковки в тексте отсутствуют. Так, мы можем только догадываться, обнажали ли князья головы перед благословением, поскольку Святослав для того, чтобы приложить руку святого к “темени”, должен был снять свой клобук. Если здесь что и необычно для автора, так это отдельное благословение со стороны святого Святославу, особо отмеченному перед остальной братьей оставлением ногтя на голове. Но в том, что Святослав сразу же вновь надел шапку и простоял в ней до конца литургии⁴² ничего необычного для книжника не было.

Следовательно, не только Святослав, но и его братья Изяслав и Всеволод находились на литургии в шапках. Очевидно, что это были не просто головные уборы. Поэтому точку зрения Н. П. Кондакова, подтверждаемую рядом последующих исследований, о том, что роль венцов в Древней Руси могли выполнять специальные княжеские шапки на данный момент изученности вопроса следует считать наиболее обоснованной. В этой связи предположение А. В. Арциховского, согласно которому шапка в руках посла, изображенная на одной из миниатюр Радзивилловской летописи (217 л.) приготовлена для венчания и “имеет значение настоящей регалии”⁴³ получает дополнительное основание. Не случайно поэтому, как видно из другой миниатюры этой летописи, убийцы Бориса приносят его шапку Святополку.

Подобные шапки сохранялись у Рюриковичей в Северо-Восточной Руси и в эпоху ордынского ига, из этой же формы, как неоднократно отмечалось в литературе, вышла и основная инсигния московских царей – “шапка Мономаха”. Не исключено, впрочем, что в условиях ига, когда сюзеренами Руси и распорядителями княжих столов являлись ордынские ханы, произошли некоторые

⁴⁰ Съказание чудесь святоу стратотърпцю Христову Романа и Давида. – С. 326.

⁴¹ Предание, видимо, отразило реальный случай, хотя и в “подредактированном” варианте. В параллельном месте “Чтения о Борисе и Глебе”, митрополит “изя руку блаженнаго **Бориса** [а не Глеба – В.П.]”, целовал ее, “потом благослови ею благовернаго князя Изяслава, потомъ же брата его Святослава, и оста ноготь единъ на главе его, на благословение ему, потом же паки боголюбець Всеволода, тако и вся; потом же вся люди” (Чтение о житии и погублении блаженую стратотерпцю Бориса и Глеба // Святые князья-мученики Борис и Глеб / Исслед. и подг. текстов Н. И. Милютенко. – С. 390; Чтения о святых мучениках Борисе и Глебе. Древнерусский текст // Древнерусские княжеские жития. – С. 107). Отличаются и политические симпатии авторов “Сказания” и “Чтения” (см.: Пузанов В. В. Социокультурные образы “Чтения о святых мучениках Борисе и Глебе” / В. В. Пузанов // Вестник Удмуртского университета. 2009. Серия “История и филология”. – Вып. 2. – С. 3–30). Тем не менее, сам эпизод с благословением, доставшемся Святославу от одного из святых братьев, присутствует в обоих произведениях..

⁴² Князь ее еще раз снял только для того, чтобы узнать, что же там его так “бодеть” и обнаружить упомянутый ноготь.

⁴³ Арциховский А.В. Указ. соч. – С. 60. См. также выше.

изменения в самой регалии. Любопытен в этой связи так называемый “ярлык” Ахмата Ивану III. Намереваясь восстановить свою власть над Русью, Ахмат выдвигает следующие требования, подтверждая серьезность намерений соответствующими угрозами: “И ты б мою подать въ 40 день собралъ: 60 000 алтын, 20 000 вешнею, да 60 000 алтын осеннюю, а на себе бы еси носилъ Ботыево знамение, *у колпака верхъ вогнув ходил* [здесь и далее выделено мною. – В.П.], зане ж вы блужные просяники. Толко моя подати в 40 день не зберешь, *а на себе не учнешь Батыево знаменья носити*, почен тобою в головах и всехъ твоих бояр з густыми волосии с великими борадами у меня будут; или паки мои дворяне съ хозовыми сагадаки и софьными сапоги у тебя будут” и т.п.⁴⁴.

Таким образом, чтобы признать былую зависимость свою от ордынского хана великий князь владимирский и московский должен был, согласно Ахмату, выполнить два главных условия: восстановить уплату дани (которую, прямо как в былинной традиции следовало собрать “в 40 день”); возобновить ношение на себе некоего “Батыева знаменья” – “у колпака верхъ вогнув” ходить.

Из сказанного следует, что и выплата дани, и ношение великим князем “Батыева знаменья” являлись выражением зависимости его от ордынского хана, символизировали поражение в политических правах. Если доверять данному источнику, то реконструируется следующая картина. После разгрома Руси полчищами Батгя и возвращения монголов из западного похода, начал оформляться Улус Джучи (Золотая Орда). Параллельно шел процесс становления механизмов властвования со стороны завоевателей над покоренными народами и странами, в том числе и Русью. Русские князья вынуждены были являться в ставку Батгя и признавать его власть. Фактически, подвластные им земли переходили в собственность хана, который милостиво выделял их им в держание, выдавая ярлык на княжение. За это князья и подданное им население должны были платить дань, нести воинскую повинность и беспрекословно подчиняться хану. Вполне возможно, что ущемление в суверенитете нашло отражение и в княжеских регалиях – князья должны были ходить с вогнутыми верхами своих шапок (клобуков).

Так ли было на самом деле (на Руси не любили вспоминать наиболее оскорбительные для народного самосознания проявления ордынской власти и приведенное известие остается единственным в своем роде), либо Ахмат все выдумал, либо до нас дошло предание, сочиненное задним числом? На настоящий момент изученности можно вести речь о том, что перед нами сложный документ, сохранившийся в едином списке XVII в., с разновременными, судя по всему, напластованиями, почему некоторые исследователи отрицают его подлинность. Недавно А. А. Горский достаточно убедительно показал, что в тексте “ярлыка” содержится информация, которая была недоступна (предполагаемому некоторыми исследователями) фальсификатору начала XVII в., что в документе имеются “указания на его связь с событиями” 1472, 1476 и 1480 гг. Поэтому исследователь не исключает, “что дошедший до нас текст представляет собой составленную на Руси компиляцию из трех посланий Ахмата

⁴⁴ Ярлык Ахмета-царя // Горский А.А. Москва и Орда. – Москва, 2003. – С. 198.

Ивану III⁴⁵.

Впрочем, для предмета настоящего исследования не суть важно, подлинный документ или нет. Важно то, что для составителя ярлыка и для его читателя вогнутый колпак у князя символизировал поражение во властных правах. Что это было воззрением не только Ахмата (если послание действительно исходило от него), но и русского адресата. Что подобное воззрение сохранялось и в начале XVII в., если допустить, что документ был сфальсифицирован в России в это время. Если же мы примем мнение о подлинности сведений, содержащихся в “ярлыке”, то еще более понятными станут как мотивы Ивана III, стремившегося составить чин поставления на великое княжение и поспешившего венчать внука “шапкой Мономаха”, так и отсутствие, судя по всему, сколько-нибудь развитых на то время традиций интронизации, которые не могли сформироваться в условиях иноземного ига.

Данное обстоятельство применительно к домонгольской Руси можно трактовать двояко. С одной стороны, его можно рассматривать в качестве дополнительного аргумента в пользу мнения об отсутствии в домонгольской Руси четко институционализированного обряда венчания на княжение. С другой стороны, “Батьево знамение” касалось княжеского клобука, значит, он не являлся просто головным убором. И хотя “историческая перспектива” нередко обманчива, думается, не случайно за “коронаой” московских князей закрепилось название “шапка Мономаха”. Сам факт венчания в Московской Руси именно “шапкой” показателен. Вполне вероятно, что “княжеская шапка” имеет очень древнее происхождение, восходящее к родовым традициям и, возможно, символизировала некогда власть родоначальника⁴⁶. Показательна в этой связи миниатюра из Изборника Святослава 1073 г., оригинальность которой, кажется, не вызывает сомнений у исследователей⁴⁷. Перед нами древнейший восточнославянский семейный портрет: князь Святослав Ярославич в окружении жены и детей. Примечательно, что только сам Святослав изображен в “классической” полусферической княжеской шапке с меховой опушкой, тогда как на его сыновей (и малолетних, и взрослых) иллюстратор “надел” высокие сферические шапки с опушками. Между тем старшие Святославичи к тому времени уже сидели на удельных столах. В таком случае вышеозначенная шапка могла не только символизировать великокняжескую власть Святослава, но и его статус в родовой иерархии. При этом не следует забывать, что при жизни отца сыновья, даже

⁴⁵ Горский А. А. Указ. соч. – С. 175–177.

⁴⁶ В литературе не однократно отмечалось, что княжеские шапки на средневековых миниатюрах и фресках однотипны с шапкой, венчающей Збручского идола (см., напр.: Арциховский А. В. Указ. соч. – С. 58).

⁴⁷ “Художественная техника Святославова Изборника... представляет в своем роде оригинальный пошиб византийского стиля, который мы должны назвать киевским или южно-русским” (Кондаков Н. П. Указ. соч. – С. 119); “Вполне оригинальный характер носит миниатюра на вшитом листе. Святослав и члены его семейства запечатлены здесь стоящими в застылых, однообразных позах. ...С особой тщательностью передал миниатюрист одеяния великого князя, его супруги и сыновей. ...Большинство одежд относится к облачениям, вошедшим в обиход киевского двора” (Лазарев В. Н. Живопись и скульптура Киевской Руси // История русского искусства. – Т. 1. – Москва, 1953. – С. 228).

посаженные на какой-либо стол, не могли считаться вполне самостоятельными ни в области семейного права, ни в политическом смысле. Поэтому иллюстратор в означенном случае мог символически подчеркнуть именно эту сторону междукняжеских отношений.

Присутствие князя в головном уборе во время церковной службы может свидетельствовать не только об особом сакральном значении этой детали княжеской одежды, но и некой сакральной сущности ее обладателя. Возможно, здесь имеем отголоски прежней жреческой ипостаси: в головных уборах находилось на службе только духовенство и, как видим, князья, что может указывать на определенную близость выполняемых сакральных функций. Показательно также, что *клобуком* могли называть просто любую шапку, головной убор князя или монаха, головной убор (тиару) древних восточных царей⁴⁸. Поэтому нельзя исключать, что ношение *клобука* (помимо местной традиции, символизировавшей обладание властью), могло ассоциироваться в христианскую эпоху и с подражанием древним библейским царям.

Соблазнительно предположить, что “русская” полусферическая шапка с меховой опушкой давалась княжичу по достижении им совершеннолетия и связанным с ним наделением столом старшими представителями княжеского клана⁴⁹, как одному из Рюриковичей, имевшего право на причастье в Руской земле (тем самым ему предоставлялась доля в общеродовом владении). Она символизировала власть княжеского рода. Обряд же посажения являлся сугубо политическим и осуществлялся представителями городской общины, призывавшей князя, и церкви. В монгольское время князья были поражены в праве верховной власти над Русью, что и нашло выражение в “Батыевом знаменье”. Обряд посажения великого князя Владимирского выполнял посланный ханом чиновник. Дальнейшие судьбы древнерусских земель разошлись. Если Западные и Южные земли оказались под властью Великого княжества Литовского и Польши, то северо-восточные до конца XV столетия оставались под властью хана. Со свержением ига там был восстановлен обряд интронизации, который стал смесью византийских и древнерусских традиций, деформированных особенностями нарождавшегося московского единодержавия. Отныне распоряжение столом относилось к прерогативам великого князя (а с 1547 г. царя) Московского. Поэтому Иван III, коронуя на великое княжение внука Дмитрия Ивановича, сосредоточил в своих руках и обряд венчания шапкою, и обряд посажения на стол⁵⁰. При этом для Ивана Васильевича, как представляется,

⁴⁸ Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 7 (К – крагуяр). – Москва, 1980. – С. 175–176.

⁴⁹ Скорее всего, шапку передавал или надевал на молодого князя отец, дед или дядя (в зависимости от сложившегося родового и политического расклада), как это делает потомок Иван III по отношению к своему внуку (см. ниже, примеч. 49). Впрочем, в данном случае сложно расчленить собственно древнерусские и византийские традиции. Не исключено, что речь может идти как о разных этапах византийского влияния, так и о стадийной общности, определяемой особенностями трансформации родовых “ритуалов” – в политические, языческие – в христианские.

⁵⁰ Иван III заявил о намерении передать, в соответствии с традициями, великое княжение внуку и попросил митрополита благословить Дмитрия. После того как иерарх благословил Дмитрия крестом и пропели соответствующую молитву, митрополит велел “прине-

важнее было показать, что он самолично распоряжается столом (а не хан), самолично (а не ханский чиновник) “поставляет” преемника; важнее было подчеркнуть преемственность не столько с византийской (действительно лежавшей в основе разработанного русского чина венчания), сколько с древнерусской (в данном случае, скорее мнимой, чем реальной⁵¹) традицией.

Viktor Puzanov. PRINCE'S “KLOBUKS” AND “CROWNS”: TO THE DISPUTES ON THE OLD RUS' INSIGNIAS

сти с наложь бармы”, которые передал великому князю и тот положил бармы на внука. После очередной молитвы, митрополит велел “принести съ наложь шапку”, и великий князь положил ее на внука, а митрополит, а за ним архиепископы и епископы, благословили Дмитрия руками. После чего “и митрополить и князь велики сели на своихъ местехъ; а внуку князь велики велель сести подле себя”, на один из специально трех заготовленных стульев (для митрополита, великого князя и Дмитрия) (См.: Чин поставления на великое княжение князя Дмитрия Иоанновича, внука Иоанна III Васильевича // *Летопись занятий Археографической комиссии*. 1864. – Вып. 3. Приложение. – Санкт-Петербург, 1865. – С. 7–15). По мнению М.Е. Бычковой, “очевидно этот жест – вновь венчанный великий князь в полном облачении садится на свое место – и символизирует “сажанье” на престол, то, что в источниках записано как “сесть на стол предков”. Этот эпизод повторяется во всех дальнейших венчаниях на царство” (*Бычкова М.Е. Обряды венчания на престол 1498 и 1547 годов: воплощение власти государя / М. Е. Бычкова // Cahiers du monde russe et soviétique*. – Vol. 34. – 1993. – №1–2. Janvier-Juin. – P. 247).

⁵¹ В домонгольской Руси свободное население старших городов являлось активной стороной политического процесса, в том числе и обряда посажения князя на стол. В Московской Руси, как и в Византийской империи, народу в акте венчания на престол отводилась пассивная роль. Впрочем, на “старину” тогда ссылались не столько для того, чтобы подчеркнуть, как было “прежде”, сколько для того, чтобы сказать, как должно быть “сейчас”.